

Лебедев А. П. Взаимные отношения Османской Порты и подвластных ей христиан Греко-восточной Церкви после паденія Византійской имперіи // Богословскій вестник 1894. Т. 2. № 6. С. 437–472 (2-я пагин.). (Продолженіе.)

Взаимныя отношенія Османской Порты и подвластных ей христианъ Греко-восточной церкви, послѣ паденія византійской имперіи *).

II. Отношенія Османской Порты къ христианскому народу греко-восточной вѣры.

„Райя, райя“!

Какое ненавистное слово! Вѣдь, райя, съ позволенія сказать, значить: *скотъ*.

Но знаете ли вы райю? Нѣтъ, вы не знаете райи. Во всякомъ случаѣ райя не есть синонимъ „не свободы“, рабства ¹⁾).

Когда улеглось то ужасное волненіе, которое вызвано было паденіемъ христианской Византіи, дѣла начали приходить хоть въ какой нибудь порядокъ. По волѣ Магомета II, избранъ былъ патріархъ для замѣщенія давно опустѣвшей патріаршей кафедры въ Константинополь. Мѣстомъ жительства патріарха сталъ одинъ возвышенный холмъ въ Стамбулѣ, а потомъ, впрочемъ это было уже значительно послѣ, константинопольскій іерархъ переселился въ кварталъ Фанаръ ²⁾), въ которомъ онъ пребываетъ и до сихъ поръ. Патріархія въ Константинополь, съ самаго же начала, сдѣлалась центромъ, около котораго сгруппировались остатки византійской знати, византійской интеллигенціи. Константинопольскій патріархъ, полагать нужно, совершенно неожиданно сдѣлался царькомъ, котораго окружила просвѣ-

*) См. Майскую книжку Богосл. Вѣстника.

¹⁾ Mauer. Das Griechische Volk. B. I, S. 56.

²⁾ Относительно значенія слова: „Фанаръ“ голову ломать не къ чему „Фанаръ“ значить просто: фонарь.

щенная, но послушная толпа царедворцевъ, представлявшая собою задатки, изъ которыхъ неизвѣстно что должно выйти. Фанаръ сталъ „дворянскимъ гнѣздомъ“ въ Византіи. Было бы напрасно думать, что первоначальная судьба греческой аристократіи, по паденіи Византіи, была жестока; этого не было, во всякомъ случаѣ судьба аристократіи не принадлежала къ особенно плачевнымъ. Изъ подъ крылышка патріаршаго впоследствии вышли многіе вліятельные въ политическомъ отношеніи люди греческаго происхожденія, люди богатые, люди могущественные; и всѣ они внесли въ исторію Турціи такую струю, которая всегда текла, не сливаясь съ общимъ потокомъ исламизма. Всѣ эти люди—жили ли они въ самомъ Фанарѣ, или вообще Стамбулѣ—получили не почетное имя фанариотовъ ¹⁾; мы увидимъ потомъ, нужно ли особенно стыдиться этого прозванія тѣмъ, къ кому оно прилагалось въ исторіи. — Константинополь получилъ особенное значеніе не только потому, что здѣсь какъ естественно, образовался центръ общественно-церковнаго устройства, но и потому, что нигдѣ христіане не чувствовали себя въ большей безопасности отъ обидъ побѣдителей, какъ именно здѣсь. Всѣ тѣ Греки, которымъ хотѣлось жить свободнѣе и поменьше останавливаться мыслію на своемъ зависимомъ положеніи, всѣ они, разумѣется, если имѣли матеріальныя средства, поспѣшили перебраться въ Константинополь, или по крайней мѣрѣ, обзавелись домами по близости столицы. Живя въ столицѣ или около нея, христіане въ случаѣ несправедливостей со стороны грубыхъ иновѣрцевъ всегда могли искать себѣ суда въ Константинополь—прямо или чрезъ кого нибудь, и во всякомъ случаѣ могли много пользы оказать себѣ среди невзгодъ при помощи денегъ. Въ виду этого, повторяемъ—въ столицѣ собралась очень значительная христіанская греческая община. Въ концѣ XVI вѣка по довольно точному изчисленію, основанному на количествѣ хараджа, вносимаго константинопольскими Греками правительству—общее количество христіанъ здѣсь простиралось до 100,000 ²⁾.

Сказавъ, что лучше всего, безопаснѣе и безобиднѣе жи-

¹⁾ Zinkeisen. Gesch. des Osmanisch. Reiches. B. II, S. 13—16.

²⁾ Zinkeisen. B. III, S. 360—361.

лось греческимъ христіанамъ въ Константинополѣ, мы тѣмъ невольно внушили читателю мысль, что во всѣхъ другихъ мѣстахъ обширной оттоманской имперіи солоно приходилось указаннымъ лицамъ. Но на самомъ дѣлѣ не вездѣ, за предѣлами Константинополя, жизнь христіанъ текла одинаково. Тамъ, въ провинціяхъ, гдѣ оттоманскій народный элементъ былъ слабъ, христіане жили почти такъ же, съ тѣми же радостями и горестями, какъ и во время византійскихъ императоровъ. Турки были плохіе реформаторы и не любили новшества. По замѣчанію одного историка: „Турки можно сказать ничего новаго не создали на византійской почвѣ. Они поступали такъ: санкціонировали большую часть древнихъ византійскихъ учреждений, слегка измѣнивъ ихъ въ турецкомъ вкусѣ, а иногда просто пересадивъ ихъ на свою почву“. Вездѣ, поэтому, держался духъ стараго ромейства, византійскихъ преданій, чувствовалось вѣяніе законовъ Палеологовъ ¹⁾. Турки, не зная, какъ править такими чуждыми для нихъ народами, какъ Греки—христіане, просто представили имъ жить на тѣхъ же началахъ, какъ эти послѣдніе жили раньше—во времена византійскія. Такъ было въ большей части Мореи, или теперешняго эллинскаго королевства. Все раздѣляло другъ отъ друга Грековъ и Турокъ: и религія, и культура, и раса. Конечно, для успѣховъ государственныхъ Туркамъ было бы полезно довести Грековъ до ничтожества и самимъ занять ихъ мѣсто въ организмѣ государственномъ; но и этого они не могли сдѣлать: побѣдители уступали побѣжденнымъ въ численности населенія, а потому думать о томъ, чтобы всѣхъ Грековъ держать въ ежовыхъ рукавицахъ было невозможною мечтой. Ничего не оставалось дѣлать Туркамъ, напр. въ Мореѣ, какъ признать въ отдѣльныхъ общинахъ начальственными лицами Грековъ-же, и предоста-вить имъ бразды правленія. Эти лица сдѣлались какъ бы посредствующимъ звеномъ между турецкимъ правительствомъ и мѣстнымъ народонаселеніемъ. Имъ вручена власть надъ народомъ; но за то они же должны были отвѣчать предъ властями за тишину, миръ и лояльность жителей. Такъ было во всемъ Пелопонессѣ и другихъ мѣстахъ Греціи.

¹⁾ Hertzberg. Geschichte Griechenlands. B. III, S. 65.

Во главѣ общинъ въ качествѣ посредниковъ между турецкою властію и народонаселеніемъ стали или лица, принадлежавшія къ древнимъ аристократическимъ фамиліямъ, или выскочки, которые благодаря ловкости и пронырству всплыли на поверхность народной массы. Эти правители отдѣльныхъ общинъ именовались приматами (коджабаши), проэсты, архонты, димогеронты. Несмотря на нѣкоторыя темныя стороны въ характерѣ этихъ правителей (алчность, деспотизмъ), они стали опорой для сохраненія своей національности греческою райею. Они были совѣтниками и постоянными защитниками народа, — при чемъ они признавались въ такомъ достоинствѣ и оттоманскими властями ¹⁾. Независимость жителей Греціи въ гористыхъ мѣстностяхъ, куда не умѣли ступить тяжелые на подъемъ Турки, — не подлежитъ никакому сомнѣнію. Наравнѣ съ Пелопониссомъ и вообще Греціею пользовались большою свободою греческіе острова, подчиненные владычеству Турокъ. Жители многихъ острововъ не сразу покорились иновѣрной власти: долго они были независимы. А когда и для нихъ пробилъ часъ подчиненія, они выговорили себѣ всяческую свободу. Такъ они удержали право не имѣть среди жителей ни одного Турка; они получили право избирать лицъ, которыя станутъ управлять жителями; они обладали правомъ (котораго не имѣли другіе Греки) вновь строить церкви и монастыри, звонить въ колокола и т. д. ²⁾. И кажется нигдѣ на греческихъ островахъ не царила такая свобода, какая отличала жителей о. Хиоса. Ихъ религія, ихъ имущество и личность вполнѣ были гарантированы отъ какихъ либо посягательствъ. Здѣсь никогда не встрѣчалось такихъ случаевъ, чтобы Турокъ, оскорбившій христіанина, избѣжалъ строгаго наказанія. Эта замѣчательная свобода Хиосцевъ опиралась на капитуляціи, которыя Турки съ чувствомъ благоговѣнія соблюдали по отношенію къ этому острову. Жители острова въ одеждѣ свободно придерживались испанскихъ обычаевъ. Религіозныя процессіи здѣсь торжественно двигались по дорогамъ ³⁾. Обозрѣвая общее положеніе дѣлъ на материкѣ

¹⁾ Maurer. Op. cit. S. 8—9; 128—129.

²⁾ Maurer. *ibid.* S. 8.

³⁾ Ricaut. Histoire de l'église Greque, p. 354—355.

Греціи и на большинствѣ греческихъ острововъ, одинъ компетентный нѣмецкій историкъ пишетъ: „видно, что Греки пользовались большою свободою. Они избирали своихъ начальниковъ и своихъ представителей. Имѣли свое собственное управленіе, свои собственные суды. Они сами производили раскладку податей и завѣдывали ихъ сборомъ. Они держали ходатаевъ не только у мѣстнаго паши (генераль-губернатора), но и въ самой столицѣ царства. Они имѣли патроновъ у всѣхъ и cadaго начальства. Тѣмъ не менѣе народъ греческій жилъ подъ опасеніями, ибо ни одна изъ значительныхъ привилегій ничѣмъ не была гарантирована“¹⁾).

Въ странѣ болгарской встрѣчаемъ тоже очень почтенные по размѣрамъ остатки прежнихъ свободныхъ учрежденій. Турки многое и здѣсь оставляли въ томъ видѣ, какъ нашли. Объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующіе факты. Въ самомъ дѣлѣ, интересное явленіе представляли привилегированныя общины Болгаръ—христіанъ. Ихъ было нѣсколько классовъ—„войницы“, „арматолы“, „сокольницы“. Ихъ поселенія сохраняли извѣстную самостоятельность и поэтому въ послѣднее время стали центрами новоболгарскаго движенія. „Войницы“, которые были обязаны отправлять военную службу, пользовались за это большими преимуществами. Вообще тѣ жители, которые сдавались Туркамъ на условіяхъ, пользовались независимостію, управлялись своими воеводами или князьями, не платили почти никакихъ податей. Къ числу такихъ подданныхъ султана принадлежали и болгарскіе „войницы“. Регулярно, черезъ три года, они выставляли нѣсколько тысячъ людей, которые, не получая жалованья, частію вооруженные копьями, конвоировали обозъ (?), копали шанцы. Институтъ этотъ прожилъ почти 300 лѣтъ. Герлахъ въ 1578 году видѣлъ въ Константинополѣ нѣсколько тысячъ болгарскихъ „войниковъ“; они пришли въ апрѣлѣ, играя на свирѣляхъ и волынкахъ, съ танцами и пѣснями прошли по городу; въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ они косили сѣно для султанскихъ лошадей. Сходны съ „войниками“ были и христіанскіе „арматолы“, на которыхъ въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человекъ возлагались обя-

¹⁾ Maurer. Op. cit., S. 102.

занности пограничной стражи съ жалованьемъ. Сабли и копья составляли ихъ вооруженіе. Третьимъ привилегированнымъ разрядомъ были „сокольники“. Ихъ привилегіи похожи были на привилегіи войниковъ, но обязанности легче. Ежегодно они должны были съ каждаго дома поставлять одного охотничьяго сокола. Поселенія ихъ, управляемыя собственными башами, были разсѣяны повсюду въ болгарской и дунайской областяхъ¹⁾. Не удивительно, поэтому, если одинъ русскій путешественникъ, незадолго до освобожденія Болгаріи проѣзжая болгарскими мѣстностями, увидалъ признаки большой терпимости Турокъ къ указанному населенію. Такъ, посѣтивъ селеніе Слѣпче, онъ нашелъ здѣсь въ одной церкви рукопись: „пентикостарионъ“ (тріодъ цвѣтная), на которой между прочимъ имѣлась такая надпись: „писана сія божественная книга во дни, въ которые поупущеніемъ Божіимъ мы преданы, грѣховъ ради нашихъ, въ руки враговъ беззаконныхъ и мерзкихъ и царю неправедному и лукавѣйшему паче всея земли. И тогда было запустѣніе и скорбь велія отъ безбожныхъ измаилитянъ“. Открытіе этой надписи наводитъ нашего путешественника на слѣдующія размышленія: „у насъ привыкли вездѣ въ Турціи видѣть Турокъ. Для лѣнливой мысли (?) и узкаго взгляда это конечно такъ,—гдѣ Турція, тамъ и Турокъ. Но какое отношеніе имѣютъ наприм. къ слѣпченскимъ христіанамъ Турки? Немного ошибемся, если скажемъ: никакого. Вѣроятно, даже податъ собираетъ какойнибудь откупщикъ битольскій (Битоль—сосѣдній большой городъ) изъ Болгаръ или Грековъ. Во всемъ прочемъ они вѣдаются и обходятся безъ Турокъ. Просуществовавшая открыто въ церкви 400 лѣтъ, книга съ самою неметною (?) бранью предержавшей власти говоритъ ясно, что Турокъ не мѣшаетъ славянскому селу вести дѣла свои, какъ оно хочетъ“²⁾. Затѣмъ тотъ же путешественникъ, обозрѣвая какой-то небольшой полуразрушенный болгарскій монастырекъ, гдѣ онъ нашелъ нѣсколько рукописныхъ богослужбныхъ книгъ, счелъ нужнымъ сдѣлать такое замѣчаніе: „какъ опять не похвалить фатальное равнодушіе Турокъ

1) Иречекъ. Исторія Болгаръ, стр. 577—579; 585.

2) Антонова архим. Поѣздка въ Румелію, стр. 281 - 282. Петерб., 1879.

къ церковному дѣлу райядовъ. Тогда какъ въ нѣсколькихъ часахъ отсюда къ западу, лѣтъ за пять передъ этимъ (авторъ путешествовалъ въ 1865 г.), Греки сожгли два воза древнихъ славянскихъ богослужебныхъ книгъ въ патриотическомъ остервенѣніи (читай: филоэллинствѣ!), Турки оставляютъ неприкосновеннымъ цѣлый складъ органовъ и проводниковъ ненавистнаго имъ ученія и при случаѣ даже свято охраняютъ ихъ“ ¹⁾! Авторъ при одномъ случаѣ задаетъ себѣ вопросъ, какъ понимать то, что православные народы на Востокѣ и Турки мирно уживаются другъ подлѣ друга? „Уже болѣе тысячи лѣтъ уживаются на Востокѣ Коранъ съ Евангеліемъ, отрицая постоянно другъ друга, — говоритъ авторъ. Чѣмъ объяснить это? Всего проще общностию понятій ихъ о Богѣ—Отцѣ небесномъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что дервишъ—изувѣръ и христіанскій богословъ (восточнаго типа) протянутъ другъ другу руку, чтобы вмѣстѣ оттолкнуть отъ себя ученаго астронома (Лапласа?), не отыскавшаго на небѣ никакого слѣда Бога“ ²⁾. Цитируемый авторъ выразилъ бы точнѣе свою мысль, еслибы сказалъ, что Турокъ больше понимаетъ Грека или славянина на Востокѣ, которыхъ вѣра пряма, непосредственна и безхитростна, какъ и у Турокъ, чѣмъ иныхъ западныхъ христіанъ, вѣра которыхъ граничитъ съ невѣріемъ и чуждается традицій, которыми одними только и живутъ и Турки и Греки—христіане на Востокѣ. Не даромъ многіе смотрятъ на Турокъ, какъ на бессознательныхъ охранителей греческаго православія.

Но отъ путешествія по окраинамъ турецкой имперіи возвратимся опять въ Константинополь. Вѣдь, здѣсь были сконцентрированы всѣ нити, связующія въ одно цѣлое многомилліонный православный восточный народъ. Какъ это и естественно ожидать, все наиболѣе знаменательное въ исторіи православно-восточнаго народа могло исходить только изъ Фанара, гдѣ жилъ патріархъ и всѣ родовитые Греки. Около патріарха, какъ мы сказали выше, сосредоточились остатки византійской аристократіи; но эти остатки и съ самаго начала едва ли были особенно значительны,

¹⁾ Ibidem, стр. 299.

²⁾ Ibidem, стр. 348.

а съ теченіемъ времени ихъ еще больше поубавилось. Аристократія безъ сытаго, но дароваго хлѣба немыслима. А въ столицѣ Турокъ даромъ ничего не давалось. Древне-византійскій аристократическій элементъ постепенно началъ оскудѣвать и исчезать. Его мѣсто должна была занять греческая аристократія ума и таланта, аристократія труда и изворотливости. Такою аристократіею и сдѣлались тѣ Греки, которые извѣстны съ именемъ фанаріотовъ. Правда, фанаріоты весьма нерѣдко носятъ древнія фамиліи — Палеологовъ, Кантакузиновъ; но древность рода этихъ новыхъ Палеологовъ и Кантакузиновъ очень сомнительна. Къ немногимъ остаткамъ дѣйствительно древней аристократіи присоединилось много новыхъ фамилій, достигшихъ большаго значенія и вліятельности и счумѣвшихъ разбогатѣть. Сюда относятся фанаріотскія фамиліи: Розетти, Суцо, Маврокордато, Кантарадо, Упсилантисы, Мурузи, Караджа, Рали, Аргипуло, Панайотаки, Ромадани и др. Съ Турками случилось тоже, что въ очень давнія времена случилось и съ Персами, по завоеваніи ими Малой Азіи; они, какъ и эти послѣдніе, не могли обойтись безъ помощи и содѣйствія ловкихъ и смышленныхъ Грековъ. Турки должны были, ради собственнаго благополучія, призвать Грековъ къ отправленію разныхъ должностей, въ которыхъ они сами были бы поменьшей мѣрѣ не у мѣста ¹⁾. Но прежде, чѣмъ указать, на что и гдѣ Греки очень понадобились Туркамъ, скажемъ два-три слова о характерѣ фанаріотской аристократіи. Представители фанаріотской аристократіи рѣзко отличались отъ Турокъ воспримчивостію къ образованію и наукѣ. Турки все еще твердили Коранъ и арабскій языкъ, а смышленнѣйшіе изъ Грековъ учились и у себя дома, и побывали на просвѣщенномъ Западѣ. Какъ люди образованные, они умѣли обращаться съ европейцами—что совсѣмъ не давалось Туркамъ—и приобрѣли вѣсь и значеніе въ правительственныхъ сферахъ. Нравственный характеръ фанаріотовъ обыкновенно рисуется въ чертахъ не свѣтлыхъ. Это былъ такой классъ людей, моральное и политическое реномэ которыхъ заслужило имъ названіе: „христіанскихъ Турокъ“. Защищать фанаріотовъ мы, конечно, не станемъ.

¹⁾ Maurer. Op. cit. S. 9, 23. Hertzberg. Op. cit. B. III, 97.

Но нужно помнить, что ни древне-византійскія преданія, ни окружающія ихъ (фанаріатовъ) плутоватая и разчетливая среда турецкихъ властей не давали основаній ожидать, чтобы Греки, теперь выдвигавшіеся впередъ, были выше тѣхъ условій, среди которыхъ они должны были дѣйствовать. Греки, о которыхъ мы говоримъ, были въ нравственномъ отношеніи едва ли хуже тѣхъ лицъ, изъ круга которыхъ они сами вышли и съ которыми имъ приходилось впоследствии вести дѣло. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что эти фанаріоты заставили Турокъ понять превосходство греческаго генія надъ оттоманско-мусульманскимъ, заставили ихъ почитать и уважать эту націю болѣе, чѣмъ какъ хотѣлось этого гордымъ поклонникамъ аравійскаго пророка; не забудемъ, что при содѣйствіи фанаріатовъ появились разныя греческія школы и гимназіи въ столицѣ, и фанаріотамъ же Греки обязаны тѣмъ, что эти послѣднія всегда сохраняли и культивировали, хотя часто и не безъ крайностей, эллинскую національную идею ¹⁾.

Нужду въ образованныхъ Грекахъ Турки почувствовали очень рано. Мы уже имѣли случай указать выше, что самъ Магометъ II окруженъ былъ образованными Греками, занимавшими при немъ должности секретарей. Секретарями они потомъ дѣлались и при разныхъ высокопоставленныхъ особахъ турецкаго правительства. Особенно хорошо поняли Турки значеніе греческаго образованнаго элемента, когда закончилась у нихъ героическая эпоха завоеваній и они принуждены были завести дипломатическія сношенія съ цивилизованной Европой. Это случилось еще въ первой половинѣ XVI вѣка. Въ 1543 году Туркамъ пришлось заключить договоръ съ Франціей. Пусть они по прежнему оставались горды и надменны, пусть они еще продолжали разсматривать всякій договоръ съ постороннею державой, какъ нѣкотораго рода подарокъ съ своей стороны, какъ актъ султанскаго великодушія; но во всякомъ случаѣ уже и въ это время была пробита брешь, которая выводила Оттомановъ изъ ихъ исключительности и надутаго самодовольства. А разъ это произошло, безъ фанаріотовъ обойтись было не-

¹⁾ Mendelssohn — Bartholdy. Geschichte Griechenlands von der Eroberung Konstantinopel durch die Türken bis auf unsere Tage. I Theil. S. 6—7.

возможно; и вотъ фанариоты пошли впередъ ¹⁾. Какого вліянія стали достигать Греки уже въ XVI вѣкѣ, это видно на примѣрѣ нѣкоего Михаила Кантакузина. Правда, онъ сдѣлалъ свою карьеру, не какъ человѣкъ образованный, но какъ великій проныра, но все же фактъ остается фактомъ. Михаилъ Кантакузинъ былъ богатый купецъ и откупщикъ. Онъ сумѣлъ сдѣлаться полезнымъ для тогдашняго знаменитаго великаго визиря Магомета Соколли; лично былъ извѣстенъ султанамъ Селиму II и Мураду III. Его вліяніе было безпримѣрно. Такъ какъ своимъ вліяніемъ онъ пользовался главнымъ образомъ, чтобы хапать себѣ деньги и снабжать ими высокопоставленныхъ лицъ, то онъ у Турокъ и Грековъ получилъ прозваніе: „шайтанъ-оглы“ (чертовъ сынъ). Для этого Кантакузина ничего не стоило кого угодно провести въ митрополиты и для него не трудно было низвергнуть даже константинопольскаго патріарха, если онъ не отвѣчалъ его видамъ. Конецъ этого Михаила Кантакузина былъ очень печаленъ. Онъ имѣлъ множество враговъ, а потому его имя примѣшали къ политикѣ, разумѣется выставя Михаила въ черномъ цвѣтѣ. И онъ былъ повѣшенъ на дверяхъ собственнаго дворца въ Анхіялѣ (на берегу Чернаго моря). Греки однакоже не хотѣли помнить его темныхъ дѣлъ, а видѣли въ немъ героя, который поднялся на замѣчательную высоту общественнаго положенія. О немъ сложены были пѣсни, въ которыхъ описывалась смерть богатаго „кур—Михали“. И пожалуй, не даромъ народъ такъ милостиво отнесся къ „шайтанъ-оглы“. По его смерти въ его домѣ нашли, не имѣвшее себѣ цѣны, собраніе замѣчательныхъ книгъ и рукописей ²⁾. Михаилъ Кантакузинъ представляетъ собою примѣръ фанариота съ его худшими сторонами. Но не всѣ же они были именно таковы. И кому неизвѣстно, что ложь, фальшь, пронырство даютъ только временный успѣхъ: померкла звѣзда успѣха— и все пошло прахомъ. Греки завоевали себѣ извѣстное почетное общественное положеніе тѣмъ, что всегда и вездѣ высоко цѣнятся: знаніемъ, талантами и практиче-

¹⁾ Mendelssohn—Bartholdy, *ibidem*.

²⁾ Hammer. *Geschichte des Osmanisch. Reiches*. B. II, S. 468—9. Pesth. 1834. Hertzberg. *Op. cit.* B. III, s. 98. Zinkeisen. B. III, s. 367—368.

скою сообразительностію. Довольно рано, можетъ быть въ XV вѣкѣ, многіе оброчные Греки получили почетныя должности драгомановъ (переводчиковъ) при различныхъ турецкихъ сановникахъ, не хотѣвшихъ изучать греческаго языка, но однакоже имѣвшихъ постоянно дѣло съ Греками, подданными падишаха. Безъ драгомана обойтись тутъ было невозможно. Въ особенности большимъ вліяніемъ пользовался драгоманъ паши, высшаго сановника по управленію пашалыкомъ (генераль-губернаторство). Пашей всегда былъ Турокъ, но онъ не могъ обойтись безъ Грека-драгомана. Всѣ дѣла, какія поступали на разсмотрѣніе паши, проходили чрезъ руки драгомана; онъ же смотрѣлъ за порядкомъ дѣлъ, а потому Грекъ-драгоманъ сдѣлался истиннымъ правителемъ пашалыка. Это должностное лицо назначалось изъ Константинополя турецкимъ правительствомъ. Въ его лицѣ каждый Грекъ находилъ сильнаго покровителя и заступника ¹⁾. Такъ было на материкѣ. Острова же находились подъ управленіемъ капуданъ-паши, конечно Турка, и конечно не знающаго по гречески. Поэтому въ помощники ему приданъ Грекъ—переводчикъ съ титуломъ великаго драгомана императорскаго флота. Этотъ титулъ не долженъ обманывать насъ: великій драгоманъ не имѣлъ никакого отношенія къ дѣйствительному флоту. Онъ былъ просто посредникомъ между островитянами,—большею частію Греками,—и капуданъ-пашей. Греческіе острова должны были обращаться къ великому драгоману по своимъ общественнымъ надобностямъ. Въ особенности жители острововъ имѣли обычай обращаться къ нему съ апелляціями на Грековъ-архонтовъ, а архонтами назывались выборные отъ общины сборщики податей и третейскіе судьи. Такъ какъ всѣ дѣла рѣшались капуданъ-пашей, по докладу великаго драгомана, то послѣдній былъ настоящимъ царькомъ (Regent) греческихъ острововъ. Онъ именно и назывался охранителемъ греческихъ законовъ, и такъ какъ въ этомъ отношеніи ему принадлежали царственныя полномочія (kaiserliche Vollmacht), то къ нему, наприм., обращались жители о. Санторина, испрашивая у него утвержденія ихъ такъ называемаго обычнаго права. Какая власть была сосредоточена въ его рукахъ и въ ка-

¹⁾ Maurer. B. I. S. 69.

комъ уваженіи онъ находился, видно уже изъ того, въ какомъ униженномъ тонѣ обращались къ нему просители, величая его титуломъ: „свѣтлость“. Греки занимали и еще болѣе значительную должность, — должность великихъ драгомановъ Порты. Первоначально эти были не болѣе, какъ переводчики. Но вскорѣ они сдѣлались вліятельнѣйшими совѣтниками Порты, сдѣлались членами министерства, именно министерства иностранныхъ дѣлъ, и пользовались великими милостями и привилегіями ¹⁾. Появленіе великихъ драгомановъ Порты въ значеніи лицъ, заправляющихъ дипломатическою частію въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, относится къ первой половинѣ XVII вѣка. Если и раньше на дипломатической службѣ у Турокъ употреблялись и Греки, то больше въ качествѣ секретарей и переводчиковъ — въ точномъ смыслѣ этихъ словъ. Но въ XVII вѣкѣ при завоеваніи Кандіи Грекъ Панайтаки Никузіосъ, родомъ изъ Хіоса, получившій медицинское и философское образованіе въ Италіи, вступивши на службу въ качествѣ драгомана къ великому визирю Ахмеду Кеприли, такъ понравился ему своею преданностію и своимъ необыкновеннымъ дипломатическимъ искусствомъ, что онъ выдумалъ для него новый оффиціальныи постъ великаго драгомана Порты; а очутившись на этомъ посту, при изумительной способности къ дипломатическому искусству, Греки опять лицомъ къ лицу стали съ Европою, въ качествѣ турецкихъ дипломатовъ ²⁾. Послѣ Панайотаки еще болѣе прославилъ себя по части дипломатіи Грекъ Александръ Маврокордато. Родомъ тоже изъ Хіоса, Александръ Маврокордато получилъ образованіе въ Падуѣ и Болоньи, изучая здѣсь медицину; онъ написалъ превосходное сочиненіе по своей специальности о циркуляціи крови. Сначала онъ былъ профессоромъ философіи и медицины въ такъ называемой высшей школѣ, основанной въ серединѣ XVII вѣка богатымъ Грекомъ Манолаки и помѣщавшейся рядомъ съ патриаршею школою въ Фанарѣ. По рекомендаціи одного почтеннаго Турка Александръ, какъ знатокъ языковъ: греческаго, латинскаго, итальянскаго, французскаго, славянскаго, турецкаго, персидскаго и арабскаго, полу-

¹⁾ Ibidem. S. 91—92.

²⁾ Hertzberg. Op. cit., S. 99.

чиль должность втораго драгомана; потомъ онъ принялъ должность великаго логовѣта (нѣчто въ родѣ нашего оберъ-прокурора синода) и казначея при патріархіи. А по смерти вышеупомянутаго нами великаго драгомана Панайотаки, Маврокордато былъ возведенъ его патрономъ, великимъ визиремъ Ахмедомъ Кеприли, на почетный постъ великаго драгомана Порты. Въ качествѣ великаго драгомана и вмѣстѣ лейбъ-медика самого султана Маврокордато, въ теченіе цѣлаго поколѣнія, игралъ въ высшей степени замѣчательную роль. Отъ прочихъ фанаріотовъ онъ отличался честностію и отсутствіемъ вѣроломства. Онъ обнаружилъ такой высокой дипломатической талантъ, что Порта была отъ него въ восторгѣ. По заключеніи Карловицкаго мира, который поставилъ его на вершину славы, самъ австрійскій императоръ Леопольдъ возвелъ его въ княжеское достоинство, но только тайно отъ Турокъ, такъ какъ это могло повредить ему въ глазахъ подозрительной Порты ¹⁾. Званіе великихъ драгомановъ Порты имѣло то особенное значеніе, что они были посвящены во всѣ тайны серала. Эта вліятельнѣйшая должность въ продолженіе чуть не двухъ столѣтій неизмѣнно была достояніемъ Грековъ. Такъ продолжалось до греческой войны за такъ называемое освобожденіе. Великіе драгомены Порты носили пышные титулы „хранителей тайнъ имперіи“ или „тайныхъ совѣтниковъ“ и чествовались именемъ: „свѣтлѣйшихъ“ ²⁾. Впрочемъ, занимавшіе даже самыя высшія должности, Греки не имѣли оффиціального званія князей, хотя неоффиціально всѣ ихъ такъ и называли князьями, т. е. разумѣемъ, тѣхъ, кто достигалъ должностей, дававшихъ права на титулъ „свѣтлѣйшій“. Такъ, съ теченіемъ времени измѣнилось положеніе греческой райи. Кажется, нѣтъ никакого преувеличенія въ словахъ одного историка, который, описывая судьбу греческой націи въ турецкомъ государствѣ, говоритъ: „самымъ ходомъ дѣлъ Турки наконецъ вынуждены были броситься въ объятія образованныхъ Грековъ“. Этотъ же историкъ, выражая ту же мысль при другомъ случаѣ, заявляетъ „побѣдители очутились въ зависимости отъ своихъ побѣжденныхъ“ ³⁾.

¹⁾ Ibidem. S. 195—196.

²⁾ Maurer. Op. cit., S. 93.

³⁾ Ibidem. S. 24. 22.

Разнымъ греческимъ архонтамъ, приматамъ (коджабаши), драгоманамъ паши, великимъ драгоманамъ флота и Порты жилось очень не дурно, въ особенности тѣмъ изъ нихъ, которые почтены были княжескимъ турецкимъ титуломъ: „свѣтлость“. Этихъ свѣтлѣйшихъ Грековъ не обошла своимъ вниманіемъ и прежде упомянутая нами греческая сатира новаго времени, изложенная въ драматической формѣ и носящая заглавіе: „Англичанинъ, Французъ, Русскій“. Мы уже знаемъ, что въ ней выведены на сцену три представителя трехъ великихъ европейскихъ державъ, проникнутыхъ желаніемъ облегчить положеніе порабощенной греческой націи. Эти лица, путешествуя по Греціи, обращаются съ разспросами о положеніи дѣль къ разнымъ вождямъ греческаго народа. Наконецъ доходитъ очередь до греческаго „князя“. Путешественники начали допрашивать его: „какъ и что“. Въ отвѣтъ на ихъ lamentаціи этотъ сановникъ сказалъ: „чего вамъ нужно? Я тиранствую и граблю народъ, чтобы доставить пріятное Дивану и не лишиться своей головы“. Затѣмъ онъ поспѣшно ушелъ отъ нихъ, такъ какъ приспѣло время идти въ его гаремъ, гдѣ одна изъ его женъ (значить, ихъ было нѣсколько!) должна была принимать подарки отъ мѣстнаго народонаселенія¹⁾.

Но положеніе Грековъ въ качествѣ какихъ либо великихъ драгомановъ флота или Порты еще не есть верхъ благополучія. Судьба, въ лицѣ оттоманскихъ правителей, указала имъ еще болѣе завидный жребій. Оттоманская Порта стала назначать заслуженныхъ грековъ господарями, т. е. царями, въ двѣ, принадлежащія турецкой имперіи, страны—Молдавію и Валахію (теперь Румынія). Для Грековъ открылась возможность править двумя странами на правахъ вассальныхъ герцоговъ. Доля счастливая. Почему это случилось, дѣло остается неяснымъ: потому-ли, что Молдаво-валахи (теперь Румыны) скомпрометировали себя чѣмъ либо во время турецкой войны съ Австріей (въ началѣ XVIII в. или точнѣе въ 1712 г.), — или же потому, что Турки стали побаиваться нашего Петра Великаго, — но только Порта рѣшилась ввѣрить управленіе двухъ вышеуказанныхъ странъ—двумъ Грекамъ—фанаріатамъ, доказав-

¹⁾ Mendelssohn-Bartholdy. Op. cit., S. 5.

шимъ на опытѣ свою вѣрность и преданность законному султану. Это было въ началѣ XVIII вѣка. Одно изъ двухъ царственныхъ мѣстъ съ самаго же перваго раза Порты дала сыну Александра Маврокордато — Николаю. Господаремъ былъ потомъ и другой сынъ Александра—Константинъ ¹⁾. Господари назначались Портою на три года (понятно, изъ подозрительности); но нѣкоторые лица могли быть господами не три, а много больше годовъ: сначала можно было получить назначеніе въ господаи Молдавіи, а потомъ—Валахіи, или же въ одной какой нибудь изъ этихъ странъ можно было быть господаремъ дважды. Господарство Грековъ—фанаріатовъ продолжалось 100 лѣтъ и окончилось съ развитіемъ греческой войны за т. называемое освобожденіе (1821 г.) ²⁾. Оно было очень выгодно для Турокъ и не менѣе выгодно для самихъ Грековъ. Турки такую неожиданною милостію надолго привязали къ себѣ сердца главарей фанаріатовъ, а это было на руку представителямъ Порты. Выгода Грековъ—не говоря о личномъ обогащеніи господарей — состояла въ томъ, что цѣлыя массы греческаго народа средняго и ниснаго классовъ отправлялись на жительство въ Молдаво - Валахію, какъ въ землю обѣтованную ³⁾. Не даромъ греческій историкъ Папарригапуло (свидѣтельство приведено выше) замѣчаетъ, что Румынія въ XVIII вѣкѣ обратилась въ греческую колонію. Всѣ невыгоды греческаго господарства пали лишь на мѣстное народонаселеніе—Молдаванъ и Валаховъ. Нашъ отечественный историкъ съ чувствомъ негодованія говоритъ: „съ первыхъ годовъ XVIII столѣтія настали для Румыновъ истинно-бѣдственные и несчастныя времена: періодъ правленія господарей—фанаріотовъ былъ періодомъ истиннаго и буквальнаго грабительства, и господаи, за весьма немногими изъятіями были ничѣмъ инымъ, какъ истинными и дѣйствительными разорителями несчастнаго народа“... Нача-

¹⁾ Hertzberg. Op. cit., В. III, 196-197. Maurer. В. I., S. 23.

²⁾ Проф. Е. Е. Голубинскаго. Очеркъ исторіи церквей Болгарской, Сербской и Молдаво-Валашской, стр. 337—338. У автора приложенъ и списокъ господарей (342 и д.), уясняющій преемство фанаріотовъ на столѣ Молдаво-валашскомъ.

³⁾ Hertzberg. Op. cit. III, 198.

лось ужасное господство государей—фанариотовъ¹⁾. Не лучше отзывается и другой, иностранецъ, — историкъ: онъ находитъ, что Румынамъ подъ властію фанариотовъ жилось много хуже, чѣмъ подъ управленіемъ турецкаго паши²⁾. Но разумѣется, любя Грековъ, Порта ни во что ставила шалости своихъ возлюбленныхъ. Турція была слѣпа по собственной волѣ.

Что такое бессарабско-молдаво-валашскія церковныя имущества, „приклоненныя“ св. Гробу, Аѳону и пр. (инклинаты)? Когда они появились? Почему они появились именно въ этихъ странахъ, а не другихъ, напр. не въ Болгаріи, Сербіи или богатой и щедролюбивой Россіи? Указанныя Бессарабо-молдаво-валашскія имущества суть помѣстья и угодыя съ монастырями, пожертвованныя св. Гробу³⁾, Аѳону⁴⁾ и проч. въ тѣхъ самыхъ странахъ, которые находились педъ управленіемъ греческихъ государей — въ Молдавіи (куда до 1812 года принадлежала и наша теперешняя Бессарабія) и Валахіи. Эти имущества съ теченіемъ времени составили замѣчательное богатство: въ 60-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія румынское правительство предлагало собственникамъ ихъ 82,000,000 турецкихъ піастровъ, въ качествѣ выкупа этихъ имѣній изъ постороннихъ рукъ, но церковныя власти Востока нашли эту сумму недостаточною, отказались отъ сдѣлки—и совсѣмъ потеряли ихъ: имущества были конфискованы. Подробная исторія происхож-

1) Е. Е. Голубинскаго. *Op. cit.* 337—339.

2) Hertzberg, III, 199. Впрочемъ считаемъ долгомъ справедливости указать одного автора, представляющаго правленіе фанариотовъ въ болѣе мягкой формѣ. Разумѣемъ: Peimbach. *Griechisch-römisch. Recht im Mittelalter und in der Neuzeit*: Ersch und Gruber—Encycl. V. 87, S. 56—57.

3) Полный списокъ свято-гробскихъ монастырей съ угодыями (но безъ всякихъ подробностей объ этихъ имуществахъ) напечатанъ у Silbernagl'я: *Verfassung der Kirchen des Oriens*. S. 148—150. Не полный списокъ ихъ, но съ нѣкоторыми подробностями см. у Муравьева: „Исторія св. града Иерусалима“, часть II, стр. 275; 297—8; 390 (Петерб. 1844), а также у *Δοσθηῶν* — „исторія патриарховъ іерусалимскихъ“, *σελ.* 1168; 1174.

4) Полный списокъ монастырей съ угодыями, принадлежавшихъ горѣ Аѳонской, напечатанъ (но безъ всякихъ подробностей) у Silbernagl'я (*Op. cit.*), S. 149—151. Подобный же списокъ этихъ имуществъ, съ подробностями, но далеко не всѣми, какія были бы нужны для историка, отпечатанъ у преосвящ. Порфирія: „Исторія Аѳона“, часть III, отд. 2-ое, стр. 339—354 (Петерб., 1892).

денія этихъ „приклоненныхъ“ имуществъ намъ лично неизвѣстна. Греки, конечно, никогда не расскажутъ ее намъ: она представляетъ такъ мало назидательнаго. Появленіе этихъ имуществъ обязано главнымъ образомъ ревности и усердію греческихъ господарей. До времени господства Грековъ фанаріотовъ, въ Молдаво-валахіи было много церковныхъ имуществъ; но только самая незначительная часть доходовъ съ нихъ, согласно волѣ жертвователей, шла въ видѣ милостыни къ св. Гробу и на Аѳонъ ¹⁾. Господари же эти устроили такъ (какъ они устроили — это дѣло ихъ совѣсти) ²⁾, что большая часть многомилліонныхъ національныхъ церковныхъ имуществъ очутилась приписанными св. Гробу и проч. Значительная часть ихъ принадлежала этому послѣднему. Замѣчательно, что фанаріоты—господари, заботясь объ интересахъ іерусалимской патріархіи, повидимому совѣмъ въ этомъ случаѣ обошли своимъ вниманіемъ интересы своей родной церкви константинопольской: ни одного имѣнія не было

¹⁾ „Пожертванія“, которыя шли въ пользу сейчасъ указанныхъ св. мѣстъ, первоначально „были не велики и представляли собою не болѣе, какъ пособіе“. Эти св. мѣста „имѣли право лишь на то, что оставалось отъ доходовъ, *только на излишекъ*“ отъ доходовъ румынскихъ церковныхъ имуществъ, которые первѣе всего шли на удовлетвореніе церковныхъ и государственныхъ нуждъ націи. Князя Бибеско (Румына?): „Монастырскія имущества или посвященные монастыри въ Румыніи“. (Переводъ съ французскаго. *Откуда?*). „Христ. чтеніе“, 1894, март.—апр., 965—366.

²⁾ Что фанаріоты—господари много содѣйствовали переходу Молдаво-валахскихъ (Румынскихъ) церковныхъ имѣній въ пользу св. Гроба, Аѳона и пр., объ этомъ ясно говоритъ преосв. Порфирій: „фанаріоты *убожали* васъ (рѣчь обращена къ Грекамъ, заинтересованнымъ по части вопроса объ этихъ имуществахъ) *чужимъ* добромъ“ (Сырку. Описаніе бумагъ епископа Порфирія, стр. 57. Петерб., 1891). Но какъ это дѣляли фанаріоты — господари, объ этомъ краткое замѣчаніе находимъ у Silbernag'я, который говоритъ, что „такое дѣло отнюдь не было актомъ благочестія“ (Op. cit., 146); нѣсколько подробнѣе говоритъ о томъ же кн. Бибеско: „подъ владычествомъ князей—фанаріотовъ, у Грековъ, пришедшихъ изъ Фанара вслѣдъ за своими князьями, были развязаны руки, и они, увѣренные въ своей безнаказанности, всячески злоупотребляли своимъ положеніемъ: безпорядокъ, воровство продолжали развиваться въ румынскихъ монастыряхъ до конца правленія фанаріотовъ. „Даже лучшій между господалями—фанаріотами Николай Маврокордато „съ удивительною смѣлостію — въ разсматриваемыхъ случаяхъ—примѣнялъ изреченіе: цѣль оправдываетъ средства“. У Бибеско ведутся рѣчи даже о поддѣлкѣ документовъ... Loc. citat.,—368—369.

записано на имя константинопольской патриархии. Даже всякое вмѣшательство въ управленіе этими имѣніями со стороны патриарха константинопольскаго положено разсматривать, какъ нѣкотораго рода преступленіе. Все это, однакожь, не больше, какъ искусная маска. Господари—фанариоты, патриархъ іерусалимскій и патриархъ константинопольскій составляли одно товарищество, которое прибыли и убытки добросовѣстно дѣлило по ровну. Недвижимыя молдаво-валахскія имущества записывались на имя св. Гроба для большей внушительности и для декораума: ктобы сталъ возставать противъ такой жертвы, не желая прослыть нечестивцемъ ¹⁾? въ дѣйствительности же доходы шли не на одного патриарха іерусалимскаго (само собою понятно, что на гробъ Господень шла самая малость), а частію еще на Грековъ—господарей и на самого патриарха константинопольскаго. Если бы патриархъ іерусалимскій не пожелалъ, притекавшими къ нему съ сѣвера, недостатками дѣлиться съ господарями, то вѣдь они мало ли что могли сдѣлать, обладая полновластіемъ въ Молдаво-валахіи ²⁾; а что касается патриарха константинопольскаго, то съ нимъ патриархъ іерусалимскій долженъ былъ дѣлить доходы съ имуществомъ въ невѣдомыхъ странахъ не иначе, какъ побратски. Въ противномъ случаѣ патриархъ столицы всегда могъ изгнать изъ Константинополя своего младшаго сотоварища, такъ какъ приѣздъ и срокъ пребыванія этого послѣдняго въ столицѣ исключительно зависѣли, какъ мы знаемъ, отъ патриарха константинопольскаго ³⁾. Все это, впрочемъ, можетъ

¹⁾ Къ сожалѣнію, у нашего достопочтеннаго ученаго Е. Е. Голубинскаго въ его „Очеркахъ исторіи первой Болгарской, Румынской и пр.“ не встрѣчается никакихъ извѣстій касательно исторіи „приклоненныхъ“ имуществъ. Впрочемъ у него находимъ очень характеристическое поясненіе словъ: „Св. Гробу“, т. е.,—замѣчаетъ авторъ—„патриарху іерусалимскому“ (388). Такъ въ дѣйствительности и было. „Св. Гробъ“ былъ лишь номинальнымъ владѣльцемъ имуществъ.

²⁾ Благодаря своему положенію, господаи могли быть и очень опасными для патриарха. Извѣстенъ, наприм., такой фактъ: по проищамъ двухъ господарей Молдавіи и—Валахіи, былъ казненъ Турками патриархъ константинопольскій Парөөній II (въ сред. XVII в.). *Γεδεόν, Πατρ. πίναξ, σελ. 577.*

³⁾ Да мало ли и другихъ какихъ неприяностей могъ надѣлать ему патриархъ константинопольскій, напр. могъ поссорить его съ господарями,

показаться не совсѣмъ яснымъ, если мы не прибавимъ еще слѣдующаго: патріархи іерусалимскіе жить въ Іерусалимѣ не любили, а любили жить въ столицѣ ¹⁾. Понятно — почему. Іерусалимъ — скучный городъ, безъ надлежащаго общества, не имѣетъ ни роскошныхъ бань, ни другихъ принадлежностей восточнаго комфорта, тамъ нельзя было жить въ свое удовольствіе; а главное — тамъ всегда отстанешь отъ текущихъ новостей — политическихъ и всяческихъ, отъ которыхъ часто зависитъ счастливая или несчастливая переменѣна въ судьбѣ патріарха: нужно держать ухо востро. На Востокѣ безъ политики ни на часъ нельзя оставаться. Вотъ почему патріарху іерусалимскому нужны были деньги — и не малыя, и вотъ почему, если онъ желалъ жить въ свое удовольствіе ²⁾, то долженъ былъ братски дѣлиться доходами съ іерархомъ столичнымъ, иначе онъ рисковалъ бы, что его безвозвратно ушлютъ въ Іерусалимъ.

Вотъ то немногое, что мы сочли нужнымъ сказать о бесарабско-молдаво-валашскихъ, принадлежавшихъ св. Гробу и Аѳону, имуществамъ (увы, большею частію теперь конфискованныхъ), для характеристики фанаріотскаго господства, созданнаго по инициативѣ Оттоманской Порты ³⁾.

какъ и случилось (Муравьевъ. Исторія Св. Града, II, 302); а въдъ господари были лицами, „благопріятствовавшими Св. Гробу“; далѣе: могъ запретить у него его домовую церковь на свято-гробскомъ подворьѣ въ Константинополѣ, какъ это опять таки бывало (*ibid.*).

¹⁾ Авторъ брошюры: „Св. Земля и Православное Импер. Палестинское Общество“, г. М. Соловьевъ замѣчаетъ, что „многіе изъ іерусалимскихъ патріарховъ (въ XVII и XVIII вв.) совсѣмъ не бывали въ Іерусалимѣ, переселившись въ столицу“ т. е. Константинополь (стр. 77. М. 1891). Провѣрить это извѣстіе, къ сожалѣнію, мы можемъ только впоследствии.

²⁾ А что доходы со свято-гробскихъ и аѳонскимъ имуществъ въ теперешней Румыніи часто шли совсѣмъ не на дѣло, относительно этого вотъ что говорится въ одномъ компетентномъ русскомъ изданіи: „Обширныя матеріальныя средства восточныхъ патріархій, приходившія изъ Румыніи, употреблялись не по назначенію, и потому поущеніемъ Божиимъ излишнія богатства были отняты у тѣхъ, которые зарывали въ землю данный имъ талантъ“ (Сообщенія Правосл. Палестинскаго Общества, т. IV, 82. Петерб. 1893).

³⁾ Въ „Сообщеніяхъ православнаго Палестинскаго Общества“ мы встрѣтили замѣтку, подъ заглавіемъ: „Румынскія церковныя имущества“ (т. IV, стр. 695—7. Петербургъ, 1893), въ которой между прочимъ сказано: „въ сороковыхъ годахъ преосвящ. Порфирій (Успенскій) предвидѣлъ и исполнилъ

Можно ли было бы подумать, что между поселеніемъ, вѣроятно, не особенно многочисленнаго остатка византійскихъ дворянскихъ фамилій, малоизвѣстныхъ по ихъ именамъ, сначала на одной стамбульской вершинѣ (при Магометѣ II), а потомъ въ неизменномъ кварталѣ Фанарь съ одной стороны, и конфискаціею церковныхъ имуществъ, непринадлежащихъ господствующей націи въ какой-то Молдаво-валахіи, — конфискаціею — чуть не въ наши дни, — есть прямая связь? А вѣдь, это такъ и есть на дѣлѣ.

Если съ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія турецкая власть совсѣмъ перестала поставлять греческихъ христіанъ на высокіе политическіе посты — въ родѣ великихъ драгомановъ и госнодарей, то это потому, что въ послѣднее время и сама она перестала владѣть собою: почти по очереди, какъ хотятъ, ее поворачиваютъ, при посредствѣ политики, въ ту или другую сторону — Русскіе, Французы, Англичане, Нѣмцы, обращаясь съ турецкимъ правительствомъ, какъ съ манекеномъ, фигурирующимъ однакожъ

оправдывалъ (курсивъ не нашъ) конфискацію румынскихъ монастырскихъ (т. е. свято-гробскихъ и аеонскихъ) земель, которая совершилась позже“. Замѣтка эта казалась очень цѣнною для насъ, потому что она еще разъ должна была удостовѣрять, что приобрѣтеніе этихъ земель извѣстными собственниками было не совсѣмъ чисто (ибо только убѣдительнымъ указаніемъ на такое обстоятельство можно бы *воплоть оправдывать* ихъ конфискацію). Но должны сознаться, что въ тмучисленныхъ печатныхъ сочиненіяхъ преосв. Порфирія мы не встрѣтили ясныхъ слѣдовъ подобнаго отношенія этого ученаго къ разбираемому вопросу. Нашли же мы здѣсь вотъ какія мысли. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій, касаясь вопроса о разсматриваемыхъ имуществвахъ, преосвящ. Порфирій спрашиваетъ себя: „вправѣ ли молдаво-валахскія княжества (теперь Румынія) отнимать у Св. Гроба и Аеона извѣстныя имущества и присвоивать ихъ государству?“ И отвѣчаетъ: „не вправѣ, потому что имѣнія добровольно завѣщаны монастырямъ на вѣчное поминованіе душъ завѣщателей и ихъ сродниковъ. А такія завѣщанія святы. Нарушитель ихъ — врагъ вѣчно поминаемыхъ душъ.“ Онъ даже не рекомендуетъ и передачу управленія этими имуществами въ руки чиновниковъ. Съ свойственною ему энергіею преосвящ. авторъ говоритъ: „чиновники — народъ лукавый, лакомый и жадный до денегъ“ (Первое Путешествіе въ аеонскіе монастыри, стр. 107. часть II, отд. 2-ое. М. 1880 г.). А при другомъ случаѣ онъ же говоритъ: „у васъ (рѣчь обращена къ Грекамъ, заинтересованнымъ по вопросу) не отнимаютъ и не отнимутъ имѣній“; и еще: „Аеонъ не лишится своихъ имѣній ни въ княжествахъ, ни у насъ“ (по отношенію къ княжествамъ авторъ ошибся, конечно). (Сырку. Описаніе бумагъ, стр. 56. 59).

въ дипломатическихъ документахъ съ именемъ Блистательной Порты.

Говоря объ отношеніи турецкаго правительства къ христіанамъ греческаго исповѣданія, мы до сихъ поръ старались составить понятіе собственно о Грекахъ привилегированныхъ классовъ — приматахъ (коджабаши), простыхъ драгоманахъ, драгоманахъ, одаряемыхъ высокими титулами, господаряхъ—этихъ халифахъ на часъ; но для полноты и ясности картины мы должны сказать еще и объ отношеніи того же правительства къ народу греко-христіанскому вообще. И прежде всего слѣдуетъ разрѣшить вопросъ: допустила Порта указанный народъ до участія въ какихъ либо государственныхъ и общественныхъ функціяхъ, какъ это бываетъ въ другихъ европейскихъ государствахъ? Что Порта однажды навсегда исключила всѣхъ христіанъ отъ несенія военной повинности—это всѣмъ извѣстно и останавливаться на этомъ вопросѣ не станемъ. Но быть можетъ далеко не всѣмъ извѣстно то, что христіане, отстраненные отъ службы въ арміи, отнюдь не были устранены отъ военно-морской службы. По волѣ Порты и отчасти по необходимости флотъ оставленъ въ рукахъ христіанъ, и безъ сомнѣнія больше всего Грековъ. Турки совсѣмъ не были знакомы съ искусствомъ кораблестроенія. Въ этомъ отношеніи они должны были пользоваться услугами постороннихъ лицъ. Съ самаго появленія Турокъ на исторической сценѣ кораблестроителями у нихъ были или Греки или Венеціанцы. Такъ было и позднѣе. Наприм. въ извѣстіяхъ отъ 1553 года упоминается родосскій Грекъ, Михаилъ Венетто, какъ человѣкъ опытный по части кораблестроенія, въ рукахъ котораго находилось все это дѣло ¹⁾. Да и вообще судостроителями, капитанами судовъ, лоцманами были преимущественно Греки-христіане ²⁾. Мало того: весь флотскій экипажъ состоялъ или изъ Грековъ или изъ другихъ христіанскихъ народовъ. Извѣстенъ слѣдующій фактъ: когда венеціанскій адмиралъ Піетро Лоредано, въ 1416 году одержалъ блистательную побѣду надъ оттоманскимъ флотомъ, то на борту всѣхъ турецкихъ кораблей, захваченныхъ въ плѣнъ или разби-

¹⁾ Zinkeisen. III, 292.

²⁾ Ламанскій, проф. Могущество Турокъ, стр. 17.

тыхъ онъ въ числѣ матросовъ нашелъ почти однихъ кандіотовъ, сицилійцевъ и людей другихъ христіанскихъ народностей. Адмиралъ пересадилъ всѣхъ этихъ турецкихъ моряковъ на свои корабли, съ тою цѣлю, какъ онъ выражается въ своемъ рапортѣ по начальству, чтобы отнять у христіанъ удовольствіе продолжать ихъ службу невѣрнымъ. Разумѣется, всѣ они сдѣлались матросами-колотниками въ венеціанскомъ флотѣ. Но такой устрашающій примѣръ остался безо всякихъ послѣдствій, и цѣли не достигъ ¹⁾. Дѣло въ томъ, что нѣтъ на свѣтѣ худшихъ моряковъ — матросовъ, чѣмъ Турки. Увѣряютъ, что будто „ни одному Турку — по крайней мѣрѣ до недавняго времени — нельзя было вбить въ голову, что такое значить — надъ вѣтромъ и подъ вѣтромъ“ ²⁾. Въ виду этого, Туркамъ волею-неволею приходилось наполнять свои корабли христіанскими матросами. Христіане, въ особенности изъ тѣхъ провинцій, которыя потомъ подчинены были власти Оттомановъ, составляли неизмѣнный контингентъ матросовъ на ихъ военныхъ корабляхъ. И вотъ мы видимъ, что военно-морское могущество Турокъ долгое время поддерживается малоазійскими Греками, Греками съ Архипелага и кандіатами. Само собою понятно, что во флотъ набиралась всякая дрянь, но все же это были христіане. Одною изъ привлекательныхъ сторонъ военно-морской службы въ турецкомъ флотѣ было большое жалованье, какого не было въ европейскихъ флотахъ: жалованье было такъ велико, что матросы европейскихъ флотовъ дезертировали къ Туркамъ, отдавая себя въ ихъ распоряженіе ³⁾.

Этимъ впрочемъ и ограничивалось прямое участіе Грековъ и другихъ христіанскихъ народовъ по части государственной службы въ турецкой имперіи. Но конечно христіанскому народу не воспрещены были всѣ тѣ занятія, какія должны были давать пропитаніе райѣ. Христіане занимались земледѣліемъ. По завоеваніи византійской имперіи значительная часть недвижимой собственности—полей, луговъ и пр. оставлена Турками во владѣніи побѣжденныхъ.

1) Zinkeisen. III, 298.

2) Гервинуса. Возстаніе Греція, 15.

3) Zinkeisen. III, 299.

Ограбленіе далеко не было полнымъ. Покореннымъ предоставлены были небольшіе участки земли. Они обязаны были уплачивать пятину съ своихъ произведеній въ казну; а выполняя это условіе, могли свободно передавать свои земли дѣтямъ и внукамъ. Жребій Грековъ во многомъ былъ лучше, чѣмъ положеніе Іудеевъ и диссидентовъ въ средніе вѣка, изъ которыхъ нѣкоторые изъ Испаніи и Венгріи переселились въ Турцію; греческая райя пользовалась плодами своихъ трудовъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ даже теперь нѣкоторые крестьяне въ иныхъ странахъ ¹⁾. Греки свободно занимались разными промыслами и ремеслами. Одно кораблестроеніе требовало множества искусныхъ христіанскихъ рукъ. Здѣсь встрѣчаемъ плотниковъ, столяровъ, желѣзниковъ и пр. И все это были наиболѣе Греки съ Хіоса, Родоса, Митилена и острововъ Архипелага ²⁾. Торговля оставалась въ рукахъ Грековъ, а нѣкоторыя отрасли ея въ исключительномъ ихъ вѣдѣніи, наприм. очень значительная виноторговля. Греки прибрали къ своимъ рукамъ откупа, наприм. соляной откупъ. Безъ сомнѣнія, Турки отдавали откупа Грекамъ, какъ людямъ достаточнымъ, на счетъ которыхъ— въ случаѣ чего — можно было всегда вознаградить убытки казны. Греки, благодаря торговлѣ и откупамъ, часто достигали большихъ богатствъ, и чрезъ это пріобрѣтали значительное политическое вліяніе. Впрочемъ Греки, даже багачи, по виѣшности казались бѣдняками; они ходили въ худенькомъ платьѣ изъ опасенія, чтобы Турки не подобрались къ ихъ богатствамъ ³⁾. Въ богатствѣ Грековъ нѣкоторые наблюдатели восточно-христіанской жизни находятъ отчасти объясненіе тѣмъ притѣсненіямъ, какія позволяютъ себѣ иногда дѣлать Турки по отношенію къ Грекамъ. „Утѣсненіе (христіанъ)—говорятъ намъ—имѣеть своимъ источникомъ чувство самосохраненія и тревоги, ощущаемой Турками при видѣ богатства, вліянія и численности христіанъ, все возрастающихъ“ ⁴⁾. Оставляемъ это замѣчаніе на отвѣтственности самого наблюдателя восточной жизни.

¹⁾ Mendelssohn—Bartholdy. Op. cit. S. 4—5.

²⁾ Zinkeisen. В. III, 365. 292.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Дентона, священника англійской церкви. Христіане въ Турціи („Русскій Вѣстникъ“, 1864. Мартъ, стр. 122).

Почти по отношенію къ каждому изъ прошедшихъ вѣковъ находимъ свидѣтельства, удостовѣряющія, что Грекамъ и всѣмъ турецкимъ христіанамъ жилось въ общемъ не очень худо. Вотъ свидѣтельство, относящееся къ 1481 году, году смерти Магомета II. Оно принадлежитъ, правда, человѣку невидному по своему положенію, какому-то „музыканту“ (кажется изъ Пармы), состоявшему въ теченіе пяти лѣтъ на турецкой службѣ въ Константинополѣ. Онъ рассказываетъ, что здѣсь „Турки не причиняютъ безпокойствъ никому изъ христіанъ, позволяютъ жить имъ по христіанскому обычаю“. Имя свидѣтеля неизвѣстно, а извѣстно только имя того господина (*magnifici domini*), къ которому на службу потомъ онъ перешелъ; это — Петръ-Марія-Де Рубсисъ ¹⁾. Въ интересныхъ венеціанскихъ документахъ, изданныхъ въ оригиналъ проф. Ламанскимъ, можно находить любопытныя указанія, удостовѣряющія, что жить подл Турками христіанамъ было гораздо лучше, чѣмъ подл Венеціанцами. Эти извѣстія относятся къ XV и XVI вѣкамъ. Во второй половинѣ XV вѣка венеціанскій Совѣтъ Десяти, узнавши, что между греческими христіанами Кандіи, которая долго оставалась подл владычествомъ Венеціанцевъ, — и патріархомъ константинопольскимъ поддерживаются сношенія, при посредствѣ нѣкоторыхъ духовныхъ греческихъ лицъ, приказалъ изгнать этихъ послѣднихъ съ острова. Вотъ мотивъ этого распоряженія: „на о. Кандіи живутъ такіе люди, которые остаются почитателями патріарха, а эти почитатели могутъ быть друзьями и сторонниками Турокъ“. Очевидно, было не въ интересахъ республики, чтобы приверженцы патріарха, а слѣдовательно-по возрѣнію венеціанцевъ — и друзья Турокъ проживали въ Кандіи ²⁾. Страхъ венеціанцевъ былъ понятенъ: сношенія кандійскихъ Грековъ съ Константинополемъ могли убѣдить этихъ послѣднихъ, что христіанскимъ подданнымъ султана жилось вовсе не такъ плохо, какъ можно было думать. А отсюда одинъ шагъ и до отложенія кандіатовъ отъ венеціанцевъ и до

¹⁾ Zinkeisen. В. II. S. 472.

²⁾ Lamansky, *Secrets d'Etat de Venise. Documents et c.* p. XX (второй пагинаціи) et p. 048. Здѣсь между прочимъ читаемъ: *in tota insula habitent tales homines, qui existentes amici Patriarchi reputari possint amici et benivoli Teucri.* — St.—Petersb. 1884.

перехода ихъ въ подданство Турокъ. Спустя немного лѣтъ тотъ же Совѣтъ Десяти, освѣдомившись, что одинъ изъ прежнихъ жителей Кандіи — Грекъ, прибывъ въ Константинополь, потомъ сдѣлался тамъ патріархомъ, отдалъ приказъ объ изгнаніи съ острова отца и брата новаго патріарха, ссылаясь на то, что невозможно оставаться имъ въ Кандіи безъ вреда для государства. Кромѣ этого тотъ же Совѣтъ Десяти, по указанному случаю приказываетъ венеціанскимъ правителямъ Кандіи прервать всякія сношенія подданныхъ Венеціи съ Константинополемъ подъ предлогомъ ли религіи или по другимъ предлогамъ, при чемъ указаннымъ начальникамъ (*rectores*) предписывалось строго блюсти за этимъ, подъ опасеніемъ изгнанія ихъ самихъ изъ венеціанскихъ владѣній; обѣщана была также награда доносчикамъ, выслѣживавшимъ сношенія кандіатовъ съ Константинополемъ ¹⁾. Мотивъ приказанія очень понятенъ. Въ слѣдующемъ столѣтіи генеральный *provveditor* (?) кандійскій Антоніо Приули обращался къ инквизиторамъ республики съ такимъ рѣшительнымъ предложеніемъ: усматривая вредныя тайныя сношенія визиря (великаго?) съ кандійскими Греками (ясное дѣло-визирь подущалъ ихъ отложиться отъ венеціанцевъ и и перейти въ подданство султана), онъ настаивалъ на необходимости удалить съ острова болѣе вліятельныхъ Грековъ, давъ имъ какія либо должности по морской части или на континентѣ ²⁾. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что жизнь христіанъ въ Турціи въ XV и XVI вѣкахъ протекала такъ тихо и мирно, что имъ завидовали православные Греки, подчиненные венеціанской республикѣ, а Турки съ своей стороны, указывая на жизнь христіанъ въ ихъ имперіи, подстрекали островитянъ съ Кандіи къ переходу ихъ въ подданство султана. Выводъ отсюда для нашего вопроса нетрудеиъ. Далѣе. Свидѣтельство Эльснера, относящееся къ XVII и частію XVIII вѣку гласитъ: „всѣ христіане, а также Іудеи, живутъ въ Турціи со всею свободою и спокойствіемъ“. Страхъ испытываютъ, по словамъ Эльснера, въ Турціи только чиновники и служилый классъ, т. е. люди, какъ о нихъ принято говорить въ Турціи,—которые

¹⁾ Ibidem. p. XX (второй пагинаціи) et p. 052.

²⁾ Lamansky. Ibidem, p. XI (второй пагинаціи) et p. 145—146.

ѣдятъ султанскій хлѣбъ ¹⁾). Вообще, по увѣренію нѣкоторыхъ знатоковъ дѣла, христіанскому народу европейскихъ частей Турціи жилось гораздо лучше, чѣмъ самымъ мусульманамъ Азіи и Африки. „Мусульманское населеніе Натоли, т. е. въ Азіи и въ Африкѣ, сверхъ Турокъ — османовъ, по преимуществу состояло изъ презираемыхъ Турками шиитовъ и Мавровъ. Оно всегда было болѣе стѣснено и унижено, чѣмъ христіанское населеніе Румели“ (т. е. всѣхъ европейскихъ провинцій, поясняетъ нашъ авторъ) ²⁾). Этотъ же самый писатель въ порабощеніи Грековъ и вообще христіанъ турецкому правительству видитъ нѣчто такое, за что должно благословлять судьбу; онъ объявляетъ, что „все дурное и тяжелое, заключающееся въ господствѣ Турокъ, было зломъ относительнымъ и искупается тою пользою и тѣмъ благомъ, какое доставила Турція міру греко-славянскому, оберегая и защищая его отъ Романо-германцевъ“ ³⁾ (съ ихъ умѣньемъ поглощать чужеродныя націи и чужія религіи). Въ этомъ-то смыслѣ Леонтьевъ не безъ основанія говоритъ: „для многихъ людей очень умныхъ и знающихъ Востокъ оказывается, что въ наше время чистѣйшіе интересы православія тѣсно связаны съ владычествомъ мусульманскаго государя“ ⁴⁾). Ужъ не значить ли это, что Турокъ является охранителемъ самаго дорогаго достоянія въ жизни греко-восточнаго народа?

Весьма любопытно, что есть одинъ русскій авторитетный ученый, который находитъ что никто въ сущности не понесъ столько бѣдъ отъ Турокъ, сколько *мы*, Русскіе. Вотъ его разсужденія: „Крымцы—татары нападали на (наши) деревни и села, угоняли съ собой тысячи, десятки тысячъ крестьянъ, ихъ женъ и дѣтой“. Значительнѣйшую „массу плѣнныхъ они продавали генуэзскимъ купцамъ и Евреямъ, которые отпавляли эту массу рабовъ на рынокъ въ Константинополь. Въ четыре столѣтія Великая и Малая Русь и часть Польши, можно смѣло полагать, лиши-

¹⁾ Elssner. Beschreibung der Griechischen Christen in d. Türckey, s. 327. Berl., 1737.

²⁾ Ламанскаго, проф. Могущество Турокъ, стр. 11.

³⁾ Ламанскаго, проф. Объ историческомъ изученіи греко-славянскаго міра въ Европѣ, стр. 27. Петерб. 1871.

⁴⁾ Леонтьевъ. Востокъ, Россія... I, стр. 74.

лись такимъ путемъ не менѣе 3—5 милліоновъ душъ своего населенія“, проданныхъ на константинопольскомъ рынкѣ, подобно *скоту*. „Можно сказать, заявляетъ авторъ, что ни одна православная, ни одна славянская народность такъ не была унижена и несчастлива въ Турціи, какъ народность Русская. *Русскіе терпѣли отъ Турокъ болѣе Грековъ, Болгаръ и Сербовъ*“¹⁾. Выводъ этотъ оставляемъ на отвѣтственности почтеннаго автора, такъ какъ не обладаемъ свѣдѣніями изъ русской исторіи.

Еще одно замѣчаніе, и наша главная часть разсужденій объ отношеніи турецкаго правительства къ христіанскому народу придетъ къ своему концу. Положеніе народа, лишеннаго большей части гражданскихъ правъ, но руководимаго и поставленнаго подъ управленіе своихъ родныхъ властителей, привело къ концентраціи всего греко-православнаго общества. Дѣло въ слѣдующемъ: „чѣмъ больше власть султана ослабѣвала (а это такъ и было), тѣмъ рѣшительнѣе выступали на видъ недостатки турецкаго (государственнаго) устройства. И когда нельзя было ожидать себѣ защиты сверху, то каждый старался защищать самого себя. Въ особенности Греки все тѣснѣе и тѣснѣе стали лѣзть другъ къ другу: народъ къ епископу, къ своимъ прimateмъ, къ своимъ общиннымъ предводителямъ; всѣ эти лица въ свою очередь лѣзнули къ драгоманамъ паши, а эти еще въ свою очередь къ драгоману Порты, къ фанаріотамъ въ Константинополь и самому патріарху. Черезъ такую крѣпкую связь частей образовалось собственное греческое государство въ государствѣ Оттомановъ. Центръ этого греческаго государства находился въ столицѣ и отсюда уже его рычаги расходились по всему турецкому царству, получая въ столицѣ же импульсъ и необходимое единство движенія“. Слова—авторитетнаго Маурера²⁾.

Такъ-то жила-была, какъ называютъ ее Турки, румейская райя (т. е. римскіе скоты) подъ безтолковымъ оттоманскимъ режимомъ, представляющимъ собою лишь истинно-замѣчательную карикатуру на дѣйствительное правительство.

1) Ламанскаго, проф. Могушество Турокъ, стр. 22—23.

2) Maurer. В. I, S. 14—15.

Знаете ли вы теперь райю?

Нѣтъ слова, *райя не была счастлива, но она и не была угнетена.*

Не была угнетена! Но ктонибудь можетъ сказать: одна-кожъ райя платила хараджъ, подушную подать, тяжелую и унижительную, съ христіанскихъ дѣтей райи вѣзлась десятина въ пользу турецкаго правительства, и наконецъ христіане подвергались „многимъ искушеніямъ и прельщеніямъ“, имѣвшимъ въ результатѣ печальныя примѣры ренегатства? Всѣ эти явленія дѣйствительно существовали, а потому намъ цужно уяснить смыслъ и значеніе этихъ явленій въ жизни грековосточныхъ христіанъ.

Начнемъ съ хараджа. Всѣ Греки, начиная съ четырнадцатилѣтняго возраста до старости, обязаны были вносить въ казну султана подушную подать—хараджъ. Люди простаго званія и наибѣднѣйшіе вносили одинъ дукать (3 рубля) въ годъ. Люди болѣе состоятельные платили 2 дуката; третій классъ плательщиковъ хараджа составляли тѣ, кто обязаны были вносить четыре дуката,—они принадлежали къ людямъ богатымъ. Купцы платили подати, смотря по стоимости ихъ товаровъ, какіе они продавали или привозили изъ другихъ странъ. Хараджъ собирался въ началѣ турецкаго праздника—байрамъ; для этого учрежденъ былъ штатъ сборщиковъ податей. Кто заплатилъ хараджъ, тотъ получалъ росписку, цвѣтъ которой ежегодно мѣнялся: если въ одинъ годъ этотъ цвѣтъ былъ бѣлый, то въ другіе годы—синій, красный, желтый. На верхней части росписки значилось имя тогдашняго великаго визиря и главнаго казначея; посрединѣ росписки значилось имя лица внесшаго подушную подать, съ описаніемъ его примѣтъ и возраста, а на самомъ низу росписки указывалось имя сборщика хараджа. Росписку нужно было носить при себѣ и предъявлять по требованію сборщика, хотя бы это было на улицѣ,—подъ опасеніемъ вторичной уплаты той же подати. Кто заплатилъ хараджъ въ одномъ мѣстѣ, тотъ свободно и безпрепятственно могъ жить гдѣ угодно: хараджъ никогда не возвышался въ цѣнѣ, несмотря на то, былъ ли миръ или происходила война. Заплатившій хараджъ считался находящимся подъ покровительствомъ Оттоманской Порты. Онъ могъ спокойно владѣть тѣмъ, что ему принадлежало, ни

одинъ Турокъ не могъ дѣлать ему непріятностей, не могъ войти въ домъ райи безъ позволенія, или что-либо отнять у него. Уплата хараджа давала ему право считать себя такимъ же подданнымъ султана, какъ Турокъ. Отъ хараджа освобождены были всѣ женщины христіанскія, а также всѣ Греки, которые находились въ морской службѣ турецкаго правительства ¹⁾. Вотъ въ чемъ состоялъ хараджъ: онъ не былъ обременителенъ. Уплата его давала право жительства христіанину вездѣ въ имперіи. Въ этомъ случаѣ та росписка, которая давалась въ удостовѣреніе уплаты хараджа, очень походитъ по своимъ послѣдствіямъ на тѣ паспорта, какіе существуютъ для нашего простонародья. Хараджъ избавлялъ плательщиковъ отъ тяжелой и страшной воинской повинности. Онъ былъ нѣкоторою замѣною натуральной воинской повинности. Хараджъ уплачивается и теперь ²⁾. Вообще нельзя считать христіанъ слишкомъ обремененными податями со стороны Турокъ. Напр. о земледѣльцахъ райяхъ говорятъ: ихъ подушное (хараджъ) султану, ихъ законную подать, какъ земледѣльцевъ, ихъ оброкъ помѣщикамъ никогда не считали тяжелыми сами иноземные христіане ³⁾. Если же большинство греко-восточныхъ христіанъ бѣдно и живетъ среди лишеній, то едва-ли это нужно ставить въ вину той системѣ податей, какая практикуется въ турецкомъ государствѣ. По словамъ Гервинуса, „какъ удостовѣряютъ всѣ христіанскіе путешественники, между всѣми округами райевъ не было жалче, бѣднѣе и истощеннѣе Майны, а сюда однако-жъ не ступала ни одна турецкая нога“. Самая бѣдность христіанскихъ подданныхъ низшаго класса въ Турціи есть вещь относительная. Тотъ же Гервинусъ отмѣчаетъ слѣдующій фактъ: „Болгары, выселившіеся съ 1829 года въ единовѣрную Россію, потому

¹⁾ Elssner. Beschreibung. S. 322 - 327. Гиргасъ. Права христіанъ на Востоку по мусульманскимъ законамъ, стр. 89. Петерб. 1865.

²⁾ Въ такомъ видѣ безъ существенныхъ измѣненій хараджъ взимался въ XVII и XVIII в. (Гиргасъ. Ibid., стр. 89. 91). Въ нынѣшнемъ столѣтіи уничтожены были турецкіе сборщики хараджа, а сбираніе и доставленіе его въ казну возложены на старшинъ и вообще представителей самихъ христіанскихъ общинъ (Ibid. 98. слнч. 106).

³⁾ Гервинусъ. Возстаніе Греціи, стр. 12.

охотно возвращались къ турецкимъ котламъ съ мясомъ, сознавая свою ошибку“ ¹⁾).

Обращаемся къ десятинамъ съ христіанскихъ мальчиковъ. Что эта натуральная или, точнѣе, ненатуральная подать есть вершина варварства—объ этомъ двухъ различныхъ мнѣній быть не можетъ. Сообщимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о разсматриваемой десятинамъ. Наиболѣе точныя свѣдѣнія относительно вопроса мы имѣемъ изъ XVI вѣка. Десятина эта взималась ежегодно, но однако такъ, что въ каждую отдѣльную провинцію сборщики ея являлись только черезъ пять лѣтъ. Дѣло происходило такимъ образомъ: въ извѣстное время турецкое правительство отряжало въ ту или другую провинцію офицера съ 30 или болѣе янычарами; ему вручался указъ, которымъ повелѣвалось въ городахъ и селахъ взимать десятину съ мальчиковъ. Христіанскій старшина (protogegos) мѣстности, какъ знатокъ семейнаго положенія христіанъ этой послѣдней, представлялъ офицеру всѣхъ мальчиковъ не ниже семилѣтняго возраста и исключая всѣхъ женатыхъ юношей. Если отецъ скрывалъ кого-нибудь изъ своихъ дѣтей, то его тяжело наказывали, пока сынъ его не будетъ отысканъ и приведенъ къ вербовщикамъ. Если дѣтей представлено было много, то офицеръ за приличную взятку могъ всегда дать свободу сыну богатыхъ родителей. Брали въ десятину мальчиковъ самыхъ крѣпкихъ и красивыхъ. Забирая христіанскихъ мальчиковъ въ качествѣ десятины, Турки всегда помнили, что нельзя брать ихъ всѣхъ; въ такомъ случаѣ край быстро пришелъ бы къ вырожденію народонаселенія. Поэтому, извѣстная часть мальчиковъ оставлялась при родителяхъ. Десятина съ мальчиковъ взималась не во всѣхъ мѣстахъ: столица — Константинополь, предмѣстье его—Галата, городъ Навплия, страны, перешедшія отъ Венеціанцевъ къ Туркамъ добровольно, и нѣкоторыя другія мѣстности—были освобождены отъ этой безобразной повинности. Не бралась эта десятина въ Аравіи, въ Египтѣ, Венгріи. Въ Болгаріи отъ нея освобождены были такъ называемые „войницы“ и проч. (О нихъ была уже рѣчь раньше) ²⁾. Завербованныхъ мальчиковъ на мѣстѣ ихъ

¹⁾ Ibidem, стр. 13.

²⁾ Heineccii. Abbildung der alten und neuen Kirche. Anhang. S. 16—19. Leipz. 1711. Въ этомъ Anhang'ѣ авторъ напечаталъ разныя извлечения изъ

родины одѣвали въ особую форму и затѣмъ отправляли въ Стамбуль, въ Галату и Адрианополь, для дальнѣйшаго воспитанія. Всѣ они обрѣзывались и обращались въ мусульманъ. Не всѣхъ ихъ ожидала одинаковая доля. Одни размѣщались по сераямъ и коллегіямъ, гдѣ ихъ обучали на турецкій образецъ—главнымъ образомъ языкамъ турецкому, персидскому и арабскому, а другіе съ самаго же начала приучались къ исполненію низменныхъ работъ—служили въ кухняхъ, воздѣлывали султанскіе сады и огороды, учились стрѣлять изъ лука ¹⁾. Дисциплина для всѣхъ нихъ до извѣстнаго возраста была самая строгая. Они отрѣшены были въ теченіе десятка лѣтъ отъ всякаго сообщенія съ внѣшнимъ міромъ и очень походили въ этомъ отношеніи на русскихъ институтокъ николаевскаго времени. Болѣе образованные изъ нихъ, по достиженіи извѣстнаго возраста были представляемы ко двору и султанъ ихъ жаловалъ различными должностями, наприм., они дѣлались чаушами, пажамъ, камеръ-пажамъ и т. д. ²⁾. Изъ этихъ отурченныхъ христіанскихъ дѣтей, какъ и изъ христіанскихъ военноплѣнныхъ мальчиковъ, составлялась султанская гвардія—пѣхота янычары, и кавалерія—сипаги Порты ³⁾. Въ военныхъ сферахъ отурченныя христіанскія дѣти потомъ достигали почетныхъ должностей, наприм. генераловъ—аги—въ полкахъ янычаръ, адмираловъ флота и пр. ⁴⁾. Изъ пажей и камеръ-пажей, вообще изъ лицъ, находившихся на придворныхъ должностяхъ, потомъ выходили такъ называемые беглербегі (управители цѣлыхъ провинцій), которыми весьма рѣдко были природные Турки, баши—визири (министры). Нѣкоторые изъ взятыхъ, въ качествѣ десятины, мальчиковъ посредствомъ браковъ съ дочерьми султановъ, роднились съ самимъ падишахомъ ⁵⁾. Хотя въ крайне рѣдкихъ слу-

историческихъ произведеній. На указанныхъ страницахъ (и дал.) у него напечатано извлеченіе изъ какого-то рукописнаго труда Стефана Герлаха.— Cf. Christophori Angeli. De statu hodiernorum Graecorum, p. 64—65. Lipsiae, 1655.

¹⁾ Ламанскаго, проф. Могущество Турокъ, стр. 10.

²⁾ Heinescii. Op. cit. Anhang, S. 20—21.

³⁾ Ламанскаго, проф. Loc. cit.

⁴⁾ Christophori Angeli. Op. cit., p. 71.

⁵⁾ Ibidem et Turco-Graecia, p. 194.

чаяхъ, но десятинные дѣти могли достигать головокружительной правительственной высоты—дѣлались великими визириями—этими *alter ego* султана. Вотъ краткая біографія знаменитаго великаго визира Магомета Соколи (т. е. Соколова). Онъ былъ родомъ изъ Требины близъ Рагузы, съ дѣтства готовился къ духовной должности и былъ уже чтецомъ при Саввинской церкви въ Босніи; но въ это время происходилъ въ Босніи сборъ десятины съ мальчиковъ и онъ попалъ въ число завербованныхъ, хотя ему пошелъ уже 18-й годъ. Намъ причетникъ отведенъ былъ въ Константинополь. Повидимому, сначала онъ подавалъ мало надеждъ, а потому его сдѣлали садовникомъ при султанскомъ сералѣ. Но здѣсь онъ своею смышленностію скоро обратилъ на себя вниманіе самого султана Судеймана, который содѣйствовалъ быстрому повышенію Магомета въ должностяхъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ Соколи былъ уже капуданъ-нашей (главнымъ управляющимъ островами), а потомъ въ іюнѣ 1565 года достигъ наивысшей степени могущества—былъ объявленъ великимъ визиремъ ¹⁾. Указанные нами факты, свидѣтельствующіе о лестныхъ отличіяхъ, какихъ иногда достигали десятинные христіанскіе мальчики, имѣли весьма важныя послѣдствія: если прежде христіанскіе родители оплакивали своихъ дѣтей, взимаемыхъ въ качествѣ десятины, то теперь они не только примирались съ этою варварскою податію, но часто и отдавали своихъ дѣтей въ указанномъ случаѣ съ полною охотою. Мы имѣемъ цѣлый рядъ авторитетныхъ свидѣтельствъ, не оставляющихъ мѣста для сомнѣній. Мартинъ Крузій говоритъ, что „многіе (многіе!) вслѣдствіе бѣдности, индифферентизма или скупо-сти добровольно отдавали своихъ дѣтей въ десятину, за исключеніемъ какого нибудь одного ребенка. Или же они рассчитывали, что въ случаѣ успѣховъ на султанской службѣ, дѣти могутъ быть полезны своимъ родителямъ“ ²⁾. Второе свидѣтельство принадлежитъ Стефану Герлаху: „Христіанскіе родители (нѣкоторыхъ отдаленныхъ мѣстъ въ Турціи), подъ влияніемъ жизненныхъ лишеній, охотно (*beliebig*) отдавали своихъ малолѣтнихъ дѣтей Туркамъ“. То же, но

1) Zinkeisen. В. III, S. 91.

2) Turco-Graecia, p. 193.

свидѣтельству Герлаха, было въ Албаніи и Болгаріи: здѣсь родители, обязанные нести нѣкотораго рода военныя повинности въ пользу Турокъ, чтобы самимъ имъ избавиться отъ военной службы, „охотно отдавали одного или двоихъ дѣтей въ качествѣ десятины“. Тотъ же Герлахъ утверждаетъ, что сами христіанскія дѣти вовсе не боялись попадать въ число дѣтей десятинныхъ, „напротивъ, они выражали радость, что могутъ попадать на службу къ самому султану и получать жалованье“. Это послѣднее сказалъ Герлаху христіанскій мальчикъ, который сопровождалъ его при осмотрѣ какихъ-то церквей и который желалъ, чтобы „какъ можно скорѣе сдѣлаться слугою султана“ ¹⁾. Сдѣлаться слугою султана—это было идеаломъ, цѣлью, на которую постоянно устремлены взоры нѣкоторыхъ христіанскихъ мальчиковъ. Венеціанскій баилъ (посланникъ) Доменико Гревизано въ это же время (т. е. въ XVI вѣкѣ) въ официальномъ рапортѣ писалъ своему начальству: „эта повинность, вслѣдствіе которой каждый христіанскій подданный султана долженъ отдавать своихъ дѣтей въ десятину и которая причиняла такія печали родителямъ, теперь (въ 1554 г.), кажется, почитается почти за особенную милость“ ²⁾. Замѣчательно еще то, что сами Турки ужасно завидовали христіанамъ, что христіанскія дѣти, даже изъ бѣднѣйшихъ классовъ, достигали самыхъ высочайшихъ должностей при дворѣ и въ администраціи, тогда какъ ихъ собственные дѣти лишены такого счастья, мало того: эти послѣднія находились въ подчиненіи у своихъ враговъ. Зависть Турокъ въ этомъ случаѣ простиралась такъ далеко, что они, желая доставить своимъ дѣтямъ возможность служить въ янычарахъ, нарочито отдавали ихъ христіанамъ, прося этихъ послѣднихъ поставить ихъ въ качествѣ десятины, вмѣсто собственныхъ дѣтей. Завидовали не только простые Турки, но и сами визири ³⁾. Мы указали на эти удивительныя явленія, удостовѣряющія въ томъ, что христіане не всегда тяготились разсматриваемой десятиной, а Турки явно завидовали будущности десятинныхъ христіанскихъ дѣтей, ука-

¹⁾ Gerlach. Tage-buch, S. 257. 314.

²⁾ Zinkeisen, B. III, 222.

³⁾ Ibidem, S. 223.

зали съ тѣмъ, чтобы точнѣе констатировать относящіеся къ нашему дѣлу факты, а не съ тѣмъ, чтобы скрасить и оправдать данный обычай (Боже упаси!). Мы находимъ, что нѣтъ болѣе тяжкаго пятна на турецкомъ правительствѣ, чѣмъ то, какое оставило здѣсь варварское обыкновение брать дѣтей въ десятину и турчить ихъ. Къ счастью, это варварское обыкновение давно уже отжило свой вѣкъ. Подать съ дѣтсей райи была отмѣнена при султанѣ Мурадѣ IV (1623—40 г.), а впоследствии уничтожена еще болѣе рѣшительными постановленіями 1685` года ¹⁾.

Теперь наконецъ поведемъ рѣчь о „многихъ искупеніяхъ и прельщеніяхъ“... Объ „искупеніяхъ и прельщеніяхъ“ любятъ говорить такіе историки, которые вмѣсто фактовъ руководятся соображеніями: если Турокъ, рассуждаютъ они, то таковой не можетъ обойтись безъ „искушеній и прельщеній“. Но дѣйствительность не подтверждаетъ подобныхъ теоретическихъ предположеній. Лично мы не встрѣчали ни одного сколько нибудь авторитетнаго подтвержденія разбираемой истины. Напротивъ, есть такіа свидѣтельства, которыя даютъ возможность дѣлать выводъ, что Турки не пользовались всякимъ представившимся случаемъ къ обращенію христіанъ въ исламъ и даже сдерживали своекорыстное или слѣпое ренегатство. Во второй половинѣ XVI вѣка одинъ венеціанскій посланникъ въ своемъ донесеніи венеціанскому сенату положительно свидѣтельствуешь, что султанъ воспретилъ христіанамъ переходить въ исламъ съ цѣлью освободить своихъ дѣтей отъ взятія на службу подъ видомъ десятины. „Это свидѣтельство весьма характеристично“ ²⁾. Еще меньше Турки желали массоваго обращенія цѣлыхъ странъ, входившихъ въ составъ имперіи. Они, наприм., считали невыгоднымъ для себя очень сильное стремленіе сѣверныхъ славянъ и албанцевъ къ переходу въ исламъ, потому что съ переходомъ въ магометанство они должны были освободиться отъ подушной подачи—хараджа ³⁾. А главное—

1) Гервинусъ. Op. cit., стр. 28.

2) Проф. Скабалановича. Политика турецкаго правительства и пр. „Хр. Чт.“, 1878, II, 429.

3) Hertzberg. III, 67.

мы не видимъ, чтобы ренегаты за свое обращеніе къ господствующему исповѣданію получали какія либо привилегіи отъ турецкаго правительства. Наприм., не природный Турокъ, по законамъ мусульманъ, не могъ получить мѣста судьи (кадія); эти законы такъ строго наблюдались, что ренегаты только въ рѣдкихъ случаяхъ могли попадать на это почетное и священное мѣсто ¹⁾. Правда, изъ числа ренегатовъ два извѣстныхъ намъ лица достигаютъ самаго высокаго административнаго положенія— сана великаго визири. Говоримъ объ Ибрагимъ-Пашѣ и Рустемъ. Но оба они эту должность получили вовсе не въ награду за отступничество. Ибрагимъ-Паша былъ сынъ Грека изъ Пагры; еще мальчикомъ захваченъ турецкими корсарами, былъ проданъ ими, попалъ въ турецкія руки. Наконецъ изъ него вышелъ великій визирь ²⁾. Нѣсколько подобная же исторія случилась съ Рустемомъ. Онъ былъ сынъ сербскаго крестьянина изъ деревни близъ Босна-Сераи; попалъ къ Туркамъ совершенно случайно; его баринъ не имѣлъ денегъ, чтобы заплатить за себя хараджъ, и вмѣсто платы отдалъ Туркамъ своего крестьянина ³⁾. Тутъ нѣтъ и рѣчи объ искушеніяхъ и прельщеніяхъ. Если Турки не дѣйствовали для распложенія ренегатовъ искушеніями и прельщеніями, то кажется еще менѣе они пользовались насильственными мѣрами въ тѣхъ же цѣляхъ,—по крайнѣй мѣрѣ по отношенію къ сынамъ греко-восточной церкви. Въ патриаршихъ бератахъ, повидимому, неизмѣнно повторялось слѣдующее приказаніе султана: „никто ни въ какомъ случаѣ не долженъ силою принуждать какого либо подданнаго изъ Грековъ къ припятію исламизма“. Ренегатовъ въ Турціи было положимъ много, но они сдѣлались таковыми по собственной волѣ—никто, кромѣ нихъ самихъ, въ этомъ не виноватъ. Тяжелый на подъемъ Турокъ мало интересовался усилъхами мусульманской пропаганды. Справедливо говорятъ: „при нелюбви и природномъ нерасположеніи Турокъ ко всякимъ діалектическимъ тонкостямъ и богословскимъ спорамъ, при умственной и физической ихъ неподвижности, христіане въ Турціи пользова-

¹⁾ Ламанскаго, проф. Могущество Турокъ, стр. 16.

²⁾ Zinkeisen. III, S. 70.

³⁾ Zinkeisen. Ibid. S. 81.

лись тѣмъ равнодушіемъ и терпимостію правительства и обывателей, которой, говоря вообще, могли завидовать ино-вѣрцы во всѣхъ христіанскихъ государствахъ XV—XVII вѣковъ“¹⁾).

А. Лебедевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Ламанскаго, проф. Могущество Турокъ, 12.